

Пролог

*«Стараться забыть кого-то —
значит все время о нем помнить».*

Жан де Лабрюйер

Господи, ну за что ты так со мной? Где твоя божественная справедливость? Почему этот белобрысый кобель не подурнел, не полысел и не обзавелся пивным животом?

Расселся, понимаешь ли, в вальяжной позе, привлекая к себе все женские взгляды в зале, даже говорливую Маринку дара речи лишил. Устроил тестостероновый штурм и самодовольно лыбится, отлично понимая, как убийственно мощно влияет на противоположный пол.

— Это Марина, тебя она заочно знает, — делано безмятежным тоном представляю Грызлова, сто раз пожалев, что не отменила наш девичник.

— Та самая Марина? — Макс многозначительно вскидывает бровь, пронизательным взглядом скользнув по моим покрывшимся мурашками плечам. — Моя фанатка?

— Да, — с придыханием кивает Грызлова, — я на тебя лет десять подписана и журналы со всеми твоими работами собираю. У меня целая коллекция, ни одного не пропустила. Ты, наверное, это сто раз слышал, но твои фотографии — полный улет. Не глянцевого фантика, а настоящее искусство. Так удачно ловить кадр может только человек с огромным внутренним миром, — рассыпается она в комплиментах и нисколько не льстит.

Все, что наговорила ему Марина, я тоже сто раз уже слышала и придерживалась того же мнения. Правда, с момента нашей

последней встречи я прекратила следить за карьерой Красавина и отписалась от всех его соцсетей. А за неделю до свадьбы сменила номер телефона.

Вполуха слушая болтовню Макса и Марины, безрезультатно сражаюсь с пятном на подоле с помощью упаковки влажных салфеток. Как ни странно, это простое, но бесполезное действие помогает отвлечься и собраться с мыслями. Теоретически я допускала, что рано или поздно наши пути с Красавиным снова могут пересечься.

Макс не часто, но появляется в Москве. Я близко общаюсь с Викой, а они близнецы и не имеют тайн друг от друга. Наше столкновение было делом времени. Поэтому удивляться особо нечему, все закономерно... кроме того, что Красавин лично инициировал сегодняшнюю встречу.

Зачем? Банальное любопытство? Вероятно. Других причин нет и быть не может. Но почему именно сейчас в нем разыгрался интерес к моей скромной персоне?

— Ладно, приятно было пообщаться. Побегу я. Насчет фотосессии завтра наберу. Варьку оставляю под твою ответственность, — врывается в мысли довольное щебетание Грызловой.

Что? Куда? Вскинув голову, ошалело смотрю на удаляющуюся спину Маринки, перевожу растерянный взгляд на ухмыляющуюся физиономию Красавина.

— Она же вернется? — уточняю, прочистив горло.

Не могу поверить, что Грызлова меня кинула тут... с Максом. Тем более с ним. Предательница. Иуда. Не прощу. Сегодня же отправлю ее номер в блок и никогда в жизни больше не заговорю.

— Боюсь, что нет. — Максим отрицательно качает головой.

Нахальная маска заядлого бабника слетает с его лица, сменяясь сосредоточенным выражением. Всего пара секунд, и передо мной совсем другой человек. Серьезный, неулыбчивый, постаревший на десяток лет. Незнакомый.

Я настороженно наблюдаю за внезапной метаморфозой, изумленно хлопая ресницами и тщетно пытаюсь унять бушующее в груди волнение.

Глава 1

Африка. Кения

Максим

Работать с фотокамерой в раскаленной саванне в самый пик засухи — сущий ад. Ржавое солнце нещадно выжигает пожухшие пастбища для тощего изможденного скота, пот заликает глаза, от высоких температур и горячего воздуха плавится не только техника, но и закипающий мозг. Дышать невыносимо не столько от жары, сколько от спертого запаха коровьего навоза, используемого в далекой от цивилизации деревушке вместо бетона для хлипких невысоких лачуг, внутрь которых входят, согнувшись в три погибели.

За месяц, проведенный в деревне масаи¹, я так и не свыкся с едкой вонью и отсутствием элементарных условий. К счастью, наша съемочная группа, сопровождающая благотворительную миссию православных волонтеров, несущих «добро и свет» на Черный континент, рано утром вылетает в деревню на вертолете, а на ночь мы возвращаемся в мало-мальски приличный отель, расположенный в Национальном парке Абердэр², куда стекаются любители сафари со всего мира.

¹ *Масаи* — полукочевой африканский нилотский коренной народ, живущий в саванне на юге Кении и на севере Танзании. (*Здесь и далее — примечания автора*).

² *Абердэр* (англ. Aberdare National Park) — национальный парк, расположенный в районе хребта Абердэр в центральной Кении. Парк расположен примерно в 100 км к северу от самого большого города Восточной Африки — Найроби.

Гостиница имеет весьма специфическую форму, напоминающую корабль, плывущий над деревьями по обильно населенной дикими животными саванне. Не самое безопасное место — риск быть съеденным хищником или укушенным каким-нибудь ползучим гадом весьма велик, если не соблюдать меры предосторожности.

К слову, сафари и само пребывание в отеле стоят баснословных денег. Мне повезло, за свои приключения практически на экваторе я получаю солидный гонорар и расширенную медицинскую страховку, покрывающую сопутствующие риски, коих немало.

Без малого год назад в Намибии, когда снимал для National Geographic красноволосых красавиц из племени химба, я подцепил малярию. В лихорадочно-бессознательном состоянии меня экстренно эвакуировали в ближайшую больницу, где три недели провалялся под капельницами. Это была моя третья вылазка в труднодоступные самобытные поселения Африки.

Должен признать, женщин из племени химба не зря считают самыми красивыми во всей Африке. Они действительно обладают уникальной притягательной внешностью. Манящий таинственный взгляд, высокие скулы, миндалевидные глаза, высокий рост, изящные пропорции тела и природная грация, которым могут позавидовать современные топ-модели, чья искусственная красота является результатом совместных усилий косметологов и стилистов.

Кстати, материал, который я успел отснять в племени химба, произвел настоящий фурор в мировых издательствах, и руководители французского офиса «Magnum Photos» решило продлить мое пребывание в Африке. Разумеется, после полной реабилитации. Я не возражал.

Несмотря на все трудности — изнуряющую жару, расстройство кишечника, антисанитарию и перенесенную болезнь, — я всей душой влюбился в этот загадочный, непостижимый и опасный континент, полный контрастов и не тронутых цивилизацией загадочных уголков, куда добираются только самые отбитые на голову любители экстрима и дикой экзотики, одержимые миссионеры и... я.

На самом деле непередаваемо круто — снимать места, где само появление белого человека с камерой является сенсацией. Порой у меня дух захватывает от того, что не способен передать ни один навороченный фотоаппарат, но я стараюсь найти удачный ракурс и показать миру, насколько невероятна, удивительна и непостижима наша планета.

— Макс, отойди подальше, ты отвлекаешь детей. — Пьер Ланье жестом показывает в сторону высокой акации за спинами своих темнокожих учеников, с интересом наблюдающих за мной и менее охотно слушающих Пьера, преподающего мальчишкам из племени основы грамоты и христианства.

Ланье — не участник гуманитарной миссии из Парижа, с которой приехала моя съемочная команда. Он третий год живет в этой деревне и свободно владеет языком маа. От природы смуглый француз почти не отличается от местных. Исправно носит шуку — ярко-красную традиционную накидку масаев, завязанную на манер римской туники, бреет голову, обвешивает себя украшениями из бисера, пьет кровь животных, смешанную молоком, охотно участвует в ритуальных танцах, состоящих из притоптываний по кругу и высоких прыжков. Год назад он обзавелся пятью коровами, местной женой и хижинкой из «говна и палок», но при этом выглядит абсолютно счастливым, а в последние несколько дней и вовсе светится от распирающей радости. У приподнятого настроения Пьера имеются сразу две веские причины. Первая — его молодая красивая масайка ждет первенца, вторая — в группе прибывших волонтеров есть квалифицированные врачи, включая акушеров-гинекологов и педиатров, что существенно повышает ее шансы благополучно выносить ребенка и родить без риска для жизни матери и младенца.

Снижение материнской и детской смертности является одной из целей благотворительной миссии. В кочевых и полукочевых племенах Африки это самая распространенная проблема наравне с до сих пор бушующей ВИЧ-инфекцией и другими болезнями. Отсутствие качественной медицины, ранняя половая жизнь и процветающая в деревнях передача жен в пользование соплеменникам мужа сводят на нет усилия немногочисленных миссионеров.

Не меняющиеся веками традиции, жестокие ритуалы с обрезанием женщин и самобытный уклад жизни закрытых племен сложно понять цивилизованным людям, но масаи не нуждаются ни в нашем одобрении, ни в навязывании современных ценностей — весьма сомнительных, если хорошенько и беспристрастно вдуматься.

При всех спорных исходных данных у меня язык не повернется назвать этот гордый древний народ дикарями. Они по сей день живут по законам своих первобытных предков, сохраняя верность традициям и ритуалам. Народ масаи — зеркало истории, и, глядя в него через объектив фотокамеры, я познаю мир таким же, каким он был сотни, тысячи лет назад, чтобы потом передать эти бесценные знания людям, избалованным благами цивилизации, и заодно сделать акцент на имеющихся в племенах проблемах, которые необходимо подсвечивать и решать, не нарушая при этом их уникальную идентичность.

Мои отношения с жителями масайской общины складываются не так продуктивно, как у Пьера Ланье, и дело не в языковом барьере. Вождь племени, пятеро его сыновей и одна из жен с красивым именем Напираи прекрасно говорят на английском, что само по себе удивительно. В местном поселении, как и во многих других, девочкам и женщинам запрещено учиться. Патриархат тут ни при чем, у них просто нет на это времени.

С раннего детства на хрупкие плечи масаек ложатся все бытовые хлопоты, включая приготовление пищи, воспитание детей, уход за козами и коровами, строительство низких хибар из веток, щедро смазанных коровьим навозом. Мужчины заняты исключительно охотой и защитой пастбищ от нападений других племен.

Масаи являются противниками земледелия, считая выращивание сельскохозяйственных культур преступлением против природы. Они отрицают загробную жизнь, «хоронят» членов семьи, оставляя тела на съедение гиенам и другим падальщикам, но свято верят, что верховный бог Энгай создал рогатый скот специально для них и украсть корову или козу у соседей — это не преступление, а возвращение исконному хозяину.

Принятое здесь многоженство — не прихоть, а жизненная необходимость. Одна жена неспособна справиться с многочис-

ленными тяжелыми обязанностями, и женщины радуются, когда муж берет вторую или последующую жену. У вождя с трудновыговариваемым именем Сайтоти их семь, и это не предел. Стадо скота, принадлежащее его семье, в этом году дало прибавление на тридцать голов, а за пять — десять коров можно выкупить первую красавицу в племени, за небольшой подарок взять в одноразовое пользование любую приглянувшуюся незамужнюю девушку. Замужнюю тоже можно, причем бесплатно, но с согласия самой женщины. Достаточно воткнуть копьё у входа в неказистое жилище, дабы обозначить для других мужчин, что дама временно занята плотскими утехами. Муж, как правило, не против, если любовник супруги относится к его возрастной группе. Ревность для любвеобильных масаев чувство незнакомое и абсолютно лишнее. Дети, зачатые от другого, воспитываются как собственные. Семейное насилие — редкость, но если и случаются подобные инциденты, то жена вольна уйти от мужа.

Богатство здесь измеряется не деньгами, а количеством детей и поголовьем скота, так что в глазах мускулистых и грозных воинов-моранов¹ я — белый нищий, навязчиво ходящий за ними по пятам с дурацкой игрушкой в руках.

Достоинство, с которым держатся местные мужчины, не может не впечатлять. Гибкие, как ягуары, с матовой гладкой кожей, шрамами и татуировками, с мощными шеями, широкими плечами, узкими бедрами, длинными ногами. Вооруженные оркумой² молодые мораны выглядят пугающе воинственно, но не проявляют открытой агрессии и терпят присутствие съемочной группы исключительно по приказу своего вождя.

В день нашего прибытия Сайтоти предупредил, что его люди не любят, когда их фотографируют без спроса, потому как считают, что камера отнимает силу. После недолгих переговоров и небольшой финансовой компенсации — она наверняка пойдет на покупку коров — мы заручились согласием вождя на съемку и можем работать без риска получить оркумой по голове или дру-

¹ *Мораны* — младшие воины-старейшины племени масаи.

² *Оркума* — традиционная масайская дубинка. Деревянная палка с набалдашником на конце и шипом.

гим частям тела, но я все равно каждый раз спрашиваю разрешение, прежде чем направить объектив на кого-то из жителей деревни, которая до недавних пор была закрыта для журналистов. Масаи не привыкли к вспышкам фотокамер и присутствию чужаков. В их понимании мы не приносим никакой пользы, в отличие от волонтерских образовательных и медицинских движений.

Отчасти так оно и есть.

Заметив торопливо приближающегося ко мне взмокшего от жары Люка Пикарда, я опускаю камеру и непроизвольно шагаю навстречу.

— Что с лицом? — обеспокоенно спрашиваю, глядя на мрачную физиономию популярного французского натуралиста и тележурналиста канала National Geographic, возглавляющего съемочную группу.

С Пикардом мы работаем не первый раз. Год выдался насыщенным для нас обоих. Пока я пополнял портфолио экзотическими кадрами, Люк записывал репортажи о деятельности волонтерских движений в Уганде и Танзании, брал интервью у представителей кочевых племенных народов Намибии. Это он забил тревогу и вызвал реанимационную бригаду, когда я подцепил малярию. Люк приостановил запланированные съемки на время моего лечения, убедив свое руководство, что я — лучший фотограф из всех, с кем ему довелось работать. Стоит ли говорить, что после этого мы стали не только коллегами, но и хорошими друзьями, понимающими друг друга с полуслова.

— Заканчивай на сегодня. Вертушка на подлете. У нас полчаса, чтобы добраться до палаточного лагеря. Рауля с оборудованием я уже отправил. Нам тоже нужно ускориться, — короткими фразами сообщает запыхавшийся Люк. Остановившись, переводит дыхание и стирает пот со лба. — Как же достало это гребаное пекло.

— Приезжай на Новый год в Москву, охладись, — с усмешкой иронизирую, зачехляя фотокамеру и убирая ее в рюкзак.

— До Нового года три месяца, а я не прочь прямо сейчас рухнуть в сугроб, — измученно отзывается Пикард. — Ты все отснял, что планировал?

— Нет. У нас по графику еще три часа. Почему так рано сворачиваемся?

— За последнюю неделю в деревне выявили пять случаев заражения сонной¹ болезнью, — Люк переводит тяжелый взгляд на французского учителя, с сосредоточенным видом наводящего тоску на местных мальчишек. — Сегодня умерла Найрепа, младшая сестра жены Ланье. Еще двое находятся в критическом состоянии. Эвакуировать их в госпиталь в Найроби отказались члены семьи. Врачи миссии делают все что могут, но шансов почти нет, — удрученно резюмирует Пикард.

— Пусть Пьер поговорит с родственниками больных. К нему тут прислушиваются.

— Это бесполезно, Макс. Он пытался, — устало отмахивается Люк. — Мне пришлось сообщить об эпидемии руководству. Сегодня вылетаем в Найроби, а завтра утром возвращаемся в Париж. Готовься к тому, что какое-то время придется провести на карантине.

— А миссионеры? Они тоже уедут? — чувствуя подступающую к горлу волну гнева, цежу сквозь зубы.

Мы уже сталкивались с похожими ситуациями, когда в случае всплеска вирусных болезней «отважные» благотворители бежали из очагов заражения, сверкая пятками.

— Нет, у них другие цели. Скоро сюда доставят группу подготовленных медиков, реанимационную аппаратуру и необходимые лекарства.

— Тогда зачем нам улетать? — Я мгновенно зажигаюсь идеей, которую Люк наверняка не поддержит. — Мы можем отснять по-настоящему сенсационный материал, а не очередную красивую картинку о жизни архаичного племени, не имеющую ничего общего с жестокой действительностью.

— Макс, у меня приказ сверху, — категорично отрезает Люк. — И трудовой контракт, в котором прописано: отказ от

¹ Африканский трипаносомоз человека, также называемый сонной болезнью, относится к трансмиссивным паразитарным заболеваниям. Его возбудителями являются простейшие рода трипаносом, передающиеся человеку при укусе мухи цеце, инфицированной паразитом от зараженных людей или животных.

выполнения приказов руководства влечет за собой штрафные санкции и увольнение. Нас отправили сюда для выполнения конкретной задачи, но ситуация вышла из-под контроля. Ты готов рискнуть здоровьем и разрушить карьеру, чтобы снять материал, который в итоге никто не купит? Я — нет.

И ни одного аргумента, чтобы возразить Пикарду. У нас есть четкие инструкции на случай возникновения опасных для жизни ситуаций, нарушение которых чревато последствиями, только что перечисленными Люком. Чтобы работать в зоне заражения, необходима иммунная и информативная подготовка, согласованный допуск и защитная спецодежда. У нас нет ни того, ни другого, ни третьего. Руки связаны, мы возвращаемся в цивилизованный мир, а жителям небольшой масайской деревни предстоит очередная битва за выживание, свидетелем которой, увы, я не стану.

* * *

В Найроби меня, Люка и оператора Рауля доставляют поздней ночью. В четырехзвездочном отеле недалеко от международного аэропорта Джомо Кениаты для нас уже готовы просторные чистые номера со стандартным набором удобств, а самое главное — исправно работающим кондиционером и небольшим балконом, где можно спокойно выкурить сигарету, глядя на густонаселенный город и соседствующий с бетонными высотками Национальный парк с одноименным названием, который в первые дни пребывания в Найроби мы исколесили на джипах вдоль и поперек. Налюбовавшись разгуливающими там жирафами, зебрами, носорогами, антилопами гну, гепардами и львами, я отснял море материала из серии «в мире животных», а Люк чуть не довел гида до инфаркта, выпрыгнув из джипа в двадцати метрах от лениво нежащегося на солнышке львиного прайда.

Пожалуй, побелевшая физиономия кенийца, довольная улыбка Пикарда и оживившиеся грациозные хищники стали самыми удачными кадрами из нескольких сотен сделанных снимков, большая часть которых пошла в утиль, а треть выкупили журналы Animal Planet и Discovery.

Приняв бодрящий душ и облачившись в белоснежный халат, снова чувствую себя представителем цивилизованного общества.